

ВѢТЛЯЧОКЪ

1904 г. ◦ годъ III. ◦ № 3.

Государственная
Библиотека
С
им. В. И. Ленина

НѢтъ, онъ съ бабушкой не согласенъ!

Сказки-коротышки Досужей Мышки.

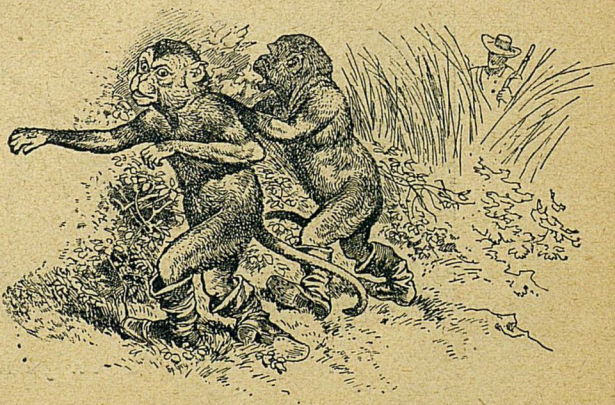
ОБЕЗЬЯНЫ и САПОГИ.

Шли охотники лѣсомъ, утомились и сѣли отдохнуть. Сняли сапоги и легли спать.

А обезьяны смотрѣли на нихъ съ дерева. Потомъ слѣзли на землю и давай сапогами забавляться. То на голову ихъ вскинутъ, то постукаютъ ими другъ о дружку, то па ноги ихъ надѣнутъ.

и бросились къ нимъ. Обезьяны хотѣли, было, прочь бѣжать, да въ сапогахъ непривычно. Думали на дерево вскарабкаться, — опять сапоги мѣшаютъ.

Охотники ихъ и похватали.

ОСТОРОЖНѢЙ!

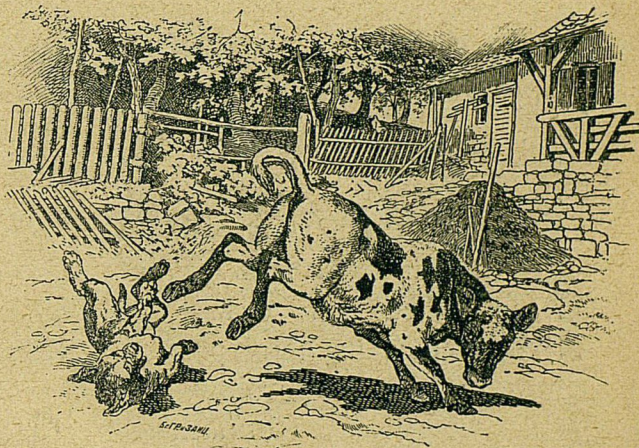
Захотѣлось Шарикѹ поиграть, онѹ и кличетъ Бышку-бычка.

— Давай играть!

— Давай, — говоритъ Бышка-бычокъ, — только, чуръ, не кусаться.

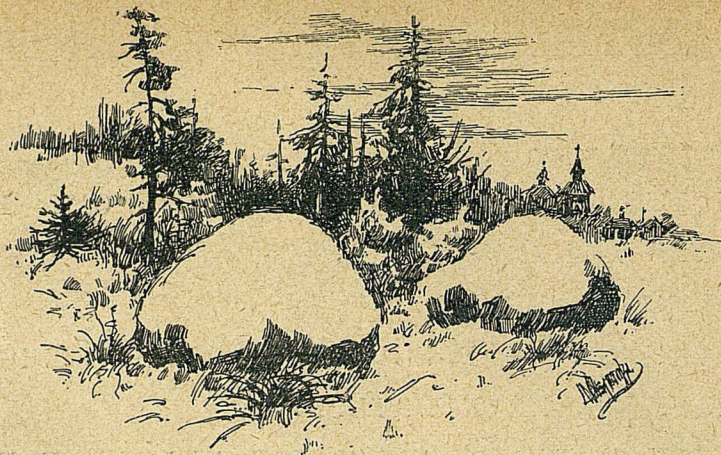
— Ну, вотъ. Развѣ я маленькій, — говоритъ Шарикъ.

Пошли бѣгать, скакать, — только радость одна. А Шарикѹ все скучно... „Дай, — думаетъ, — кусну я его пемного. Что за нѣженка такой! А игра-то у насъ веселѣй пойдетъ“.

Изловчился да какъ вцѣпится въ ногу теленка, а тотъ замычалъ, вскпнулъ задними ногами и лягнулъ Шарика... Заохалъ тотъ, застоналъ, а дѣлать нечего. Не на кого ему пожаловаться, — самъ кругомъ виновать.

Досужая Мышка.

Зимнее утро.

(Посвящается моей Жастюшѣ).

Таетъ дымка голубая
Отъ лучей румяныхъ утра;
Блещетъ скатерть снѣговая
Переливомъ перламутра;
А надъ нею вперегонку
Съ золотистыми каймами
Мчатся въ дальнюю сторонку
Тучки сѣрыя грядями.
Свѣжимъ снѣгомъ осыпають

Полевыхъ дорогъ зигзаги
И заботливо ровняютъ
Всѣ ложбинки и овраги..
Убѣленный сѣдиною,
Весь горя алмазнымъ блескомъ,
Вышелъ дѣдъ-Морозъ съ клю-
кою
Встрѣтить утро звонкимъ тре-
скомъ,

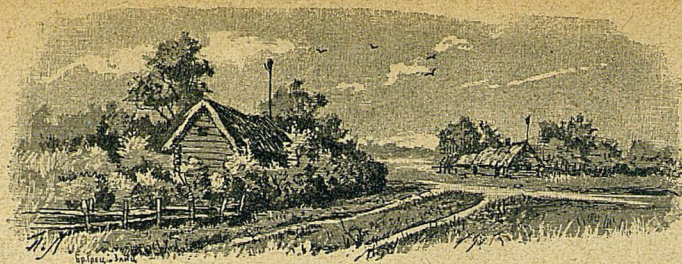
Посмотрѣть свои узоры,
Бахрому еловыхъ вѣтокъ,
Хорошо-ль сравнялись горы,
Что устроены для дѣтокъ...

Е. Нечаевъ.

Осталось только на донышкѣ!..

Лучшій другъ *).

(РАЗСКАЗЪ).

III.

На другой день Карлу Иванычу было очень совѣстно, хотя онъ и старался это скрыть. Его лучшему другу, воробью, тоже было совѣстно. Столько лѣтъ жили тихо и мирно, а тутъ оба точно съ ума сошли. Главное, что всѣ это видѣли и теперь потихоньку подсмѣиваются. Вообще вышла скверная исторія.

— А вѣдь виновать, господа, во всемъ воробей,—заявилъ первымъ пѣтухъ.—Я Карла Иваныча знаю давно... Онъ, правда, немножко горячъ, но конь добрый. Не правда ли?

Утки согласились съ нимъ, хотя ничѣмъ и не пользовались отъ Карла Иваныча. Съна онъ не ѣли, а собирать овесъ по зернышку не умѣли. Скворецъ думалъ то же самое, хотя это было и не его дѣло,—вѣдь онъ прилеталъ

*) Окончаніе.—См. „Свѣтлячокъ“ №№ 1 и 2-й.

сюда только весной, да и то гостемъ. Другіе воробьи молчали. Два-три изъ нихъ, которые были посмѣлѣе, пробовали подлетать къ кормушкѣ Карла Иваныча, но онъ гналъ ихъ прочь. И между воробьями есть разница.

На третій день старымъ друзьямъ сдѣлалось скучно, особенно воробью. Онъ такъ любилъ овесъ, а тутъ сиди гдѣ-нибудь на крышѣ и поглядывай, съ какимъ аппетитомъ Карлъ Иванычъ ѣсть свою порцію. Да и другіе воробьи смѣются:

— Ахъ, бѣдняжка! Онъ привыкъ ѣсть чужой овесъ... Вотъ тебѣ и лучший другъ! Теперь поголодай вмѣстѣ съ нами... Въ огородахъ еще ничего не посажено.

— Ничего, и безъ чужого овса не пропадемъ,—хвастался лучший другъ Карла Иваныча.

— Посмотримъ...

— И посмотрите...

— Все-таки скверно, когда желудокъ совсѣмъ пустой!..

Дворовый песъ Апчутка, вѣчно голодавшій, особенно хорошо это понималъ и уныло проговорилъ:

— Ахъ, какъ скверно, когда постоянно хочется ѣсть!..

Наступила весна, и воробей успокоился, потому что вездѣ былъ кормъ. Какія вкусныя зеленыя мухи попадались и зеленые черви, личинки разныхъ насѣкомыхъ, комары-толкунны,—ѣшь не хочу. Нужно сказать, что воробей былъ немного прожорливъ и наѣдался до отвала. Чтобы посмѣяться надъ Карломъ Иванычемъ, онъ таскалъ къ нему въ кормушку и зеленыхъ мухъ, и червей, а разъ притащилъ мертвую маленькую лягушку.

— Карлъ Иванычъ, пожалуйста...—подалъ онъ. — Я не злопамятенъ. Кушайте на здоровье лягушку... Вѣдь я вашъ лучшій другъ.

Карлъ Иванычъ дѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ и старался не обращать вниманія на озорника-воробья. Пусть его болтаетъ разныя глупости. Конечно, иногда было и скучно, хотѣлось поговорить по душѣ съ кѣмъ-нибудь, только не съ воробьемъ. Весной Карлъ Иванычъ линялъ и замѣтно худѣлъ и былъ склоненъ къ задумчивости.

Прошла весна, наступило лѣто. У воробья новая пища: ягоды.

— Карлъ Иванычъ, вы любите ягоды? Ахъ, какъ онѣ вкусны!..

Лѣто всегда проходило какъ-то особенно быстро. Не успѣешь оглянуться, а ужъ на дворѣ

осень. Но воробей не жаловался на осень. Ъды всякой было достаточно, даже больше, чѣмъ лѣтомъ. На огородахъ настоящее раздолье, особенно гдѣ были гряды съ горохомъ. Постоянно сытый воробей каждый разъ забывалъ, что въ концѣ осени начнутся дожди, холода, вѣтеръ и закончится все снѣгомъ. Онъ каждый разъ удивлялся, когда земля покрывалась снѣжнымъ покровомъ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, этотъ дурацкій снѣгъ? Единственнымъ утѣшеніемъ оставалась рябина, да и тутъ изъ-за каждой ягоды приходилось драться съ дроздами, снѣгирями и разной другой прожорливой птицей.

— Ну, плохи твои дѣла,—замѣтилъ пѣтухъ воробью.—Съ одной-то рябины только животь будетъ болѣть. Напрасно ты, братецъ, поссорился тогда съ Карломъ Иванычемъ... Скоро и морозы начнутся, насъ въ теплый курятникъ посадятъ, а ты на дворѣ останешься.

Пѣтухъ нѣсколько разъ приходилъ къ Карлу Иванычу и заводилъ разговоръ о примиреніи.

— Ну, поссорились, ну, подрались, чего же сердиться?—уговаривалъ онъ.—Нехорошо, Карлъ Иванычъ...

— Вотъ еще какой мировой судья вы-

искался!..—ворчалъ Карлъ Иванычъ.—Отваливай по-добру, по-здорову...

— Мнѣ-то что, мое дѣло сторона, а только зачѣмъ вы сердитесь, точно люди... Ахъ, какъ нехорошо!.. Воробей, конечно, озорникъ и драчунъ, только какъ же можно безъ воробья жить? Да и старъ онъ, того гляди околѣеть...

Карлъ Иванычъ угрюмо молчалъ, хотя ему и самому давно хотѣлось помириться. Но все какъ-то не выходило случая. Вѣдь онъ былъ правъ, зачѣмъ же ему первому просить извиненія? И воробей тоже не желалъ покаяться...

Наступила зима, суровая и холодная. Воробей голодалъ и по цѣлымъ днямъ сидѣлъ нахохлившись. Онъ больше не лѣзъ въ кормушку къ Карлу Иванычу и только украдкой подбиралъ зерна, которыя падали на полъ. Разъ утромъ, когда Карлъ Иванычъ вышелъ къ своей конюшни, онъ увидалъ лежавшаго въ кормушкѣ воробья. Бѣдняга былъ мертвъ. Карлъ Иванычъ задумчиво потрянулъ головой и проговорилъ:

— Это онъ нарочно умеръ, чтобы досадить мнѣ!..

И лучшаго друга не стало...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Грачиный племянникъ.

1.

Грачь жилъ на вершинѣ высокой осины, а Ивасикъ, восьмилѣтній мальчуганъ,—подъ осиною, въ отцовской избѣ.

Грачь жилъ самъ по себѣ, а Ивасикъ—самъ по себѣ. Грачу не было никакого дѣла до Ивасика, и Ивасику тоже не было дѣла... Нѣтъ, — виновать, — Ивасику было дѣло до грача. Оттого и вся эта исторія произошла...

2.

Ранней весной два грача прилетѣли сюда и устроили на вершинѣ осины, на развилинѣ чудесное гнѣздо.хлопотъ было пропасть, но зато и гнѣздо вышло на-славу.

Потомъ грачиха нанесла яицъ, потомъ изъ яицъ вывелись маленькіе грачата. Ахъ, какіе

они были горластые! Они такъ голосили, что Ивасикъ невольно заинтересовался ими.

— Кто это горланить съ утра до ночи? И Ивасикъ рѣшилъ непременно посмотрѣть ихъ и достать изъ гнѣзда хоть одного грачонка.

3.

Ивасикъ сказалъ своей товаркѣ Катрѣ:

— Хочешь, я и тебѣ достану грача?

Хотя Катрѣ вовсе не надо было грача, она все-же не могла отказаться отъ дарового подарка и сказала:

— Хочу. А какъ ты его достанешь?

— Да ужь достану!—сказалъ Ивасикъ.— Только миѣ нужно раздобыть мѣшокъ, куда класть грачатъ.

4.

Достали мѣшокъ; Ивасикъ взялъ его, обхватилъ дерево руками и ногами и сталъ карабкаться вверху.

Онъ былъ ужасно цѣпкій и ловкій—этотъ Ивасикъ — и потому легко сталъ карабкаться по стволу. А Катря стояла внизу и увѣряла его, что онъ свалится. Ивасикъ пыхтѣлъ, сопѣлъ, но упорно лѣзъ все выше и выше. Напрасно грачъ кричалъ ему сверху,—

конечно, по-своему, по-грачиному,—чтобы онъ не лѣзъ наверхъ. Для грача Ивасикъ былъ чудовищемъ, великаномъ, и грачъ боялся его до смерти.

Грачъ кричалъ ему:

— Ступай назадъ! Развѣ я тебѣ мѣшаю? Развѣ я къ тебѣ въ избу забираюсь, развѣ я тревожу тебя?

Но Ивасикъ лѣзъ все выше и выше; онъ слышалъ карканье грача и, конечно, понималъ, о чемъ тотъ беспокоится...

— Я васъ приберу къ рукамъ...—ворчалъ онъ.—Я васъ приберу къ рукамъ, погодите!..

Анъ вышло не по-Ивасикову... Грачъ и не хвастался, а одолѣлъ его.

5.

Видитъ грачъ, и точно, подбирается мальчуга къ самому его гнѣзду. Понялъ грачъ, что времени терять нечего,—сейчасъ до гнѣзда доберется, все гнѣздо разоритъ и птенцовъ передушитъ.

Что дѣлать? И такое горе кручинное бѣднаго грача взяло, хоть на свѣтъ бѣлый не гляди!.. Право!.. Ну, что это? Работали-работали они съ женой, носовъ не жалѣючи, прутья таскали да гнѣздо плели, только на

ребятъ порадоваться хотѣли, а тутъ бѣда и пришла: лѣзетъ маленькій, цѣпкій разбойникъ на нихъ приступомъ, ничего знать не хочетъ, никого слушать не желаетъ.

А, да чего на него глядѣть, право!.. Взьерошилъ перья старый грачъ да какъ набросится на Ивасика: крыльями бьетъ, клювомъ щиплетъ за волосы, когтями царапать хочетъ...

Вотъ злюка-то!..

А Ивасику и отмахнуться нельзя, — не то на землю шлепнешься. И не выдержалъ Ивасикъ, въ голосъ заревѣлъ...

— Оставь, грачище!.. Мамкѣ пожалуюсь!..

А грачъ — и самъ-съ-усамъ: знай, нападаетъ на него со всѣхъ сторонъ, просто горе чистое!.. И не выдержалъ Ивасикъ, сталъ спускаться по дереву внизъ... А грачъ его провожаетъ:

— Пожалуйте, пожалуйте домой, къ мамашѣ, господинъ хорошій!..

6.

А внизу Катря ждала, и около Катри толпа бѣлоголовыхъ ребятишекъ стояла... Извѣстно, толпа всегда на сторонѣ побѣдителя становится. Такъ и тутъ было.

Пока Ивасикъ къ гнѣзду подбирался, его поощряли, надъ грачомъ смѣялись. А какъ сталъ его сударь-грачъ съ осины спроваживать, такъ и стали всѣ надъ Ивасикомъ смѣяться...

Спрыгнувъ Ивасикъ на землю, да сломя голову въ сѣноваль, въ сѣно зарылся съ головой, только бы насмѣшекъ не слышать...

7.

И зажилъ грачъ по-прежнему, самъ по себѣ, а Ивасикъ—самъ по себѣ...

Выйдетъ Ивасикъ изъ избы, погрозить кулакомъ:

— Я вамъ задамъ ужо!..

А грачъ ему по-своему съ осины отвѣтъ держать:

— Не за что, господинъ коропузъ, потому я васъ не трогаю и дѣла мнѣ до васъ нѣтъ, и вы меня не трогайте. Каждый самъ по себѣ живи и будь спокоенъ...

И понимали они другъ друга, и Ивасикъ больше на грачиную осину не лазалъ; только все-же онъ себѣ повредилъ: стали его съ той поры по деревнѣ въ насмѣшку звать грачинымъ племянникомъ.

А. Федоровъ-Давыдовъ.

Чокъ-чокъ.

Ее принесли намъ деревенскіе ребятишки въ маленькой, тѣсной клѣткѣ. Бѣдная бѣлочка сидѣла тамъ, вся согнувшись, грязная, съ облѣзлой шерстью. Надя, моя подруга, взяла бѣлочку, дрожащую всѣмъ тѣломъ и боязливо озирающуюся своими хорошенькими черными глазками. Мы отнесли ее въ пустую комнату, дали ей орѣховъ, подсолнуховъ, воды и хлѣба и оставили ее на цѣлый день одну. Первое время мы съ Надей входили въ комнату къ бѣлкѣ только за тѣмъ, чтобы дать ѣды и воды, но потомъ стали приходить чаще и оставаться въ комнатѣ все дольше.

Бѣлочка сначала забиралась подъ самый потолокъ (комната была не оклеена обоями, и бѣлочка такъ ловко бѣгала по бревнамъ), потомъ спускалась пониже, наконецъ, спускалась на полъ, ѣла орѣхи, садилась на окно, на спинку дивана и, наконецъ, стала брать изъ рукъ Нади огурцы, хлѣбъ, орѣхи, еловыя шишки. Она препотѣшно ѣла огурцы: быстро-быстро обгрызала всю шкуру, все время повертывая огурецъ въ лапкахъ, и тогда только начинала ѣсть сѣмена.

Бѣлочка издавала странный звукъ, — похожій на звукъ

„Чокъ-чокъ“; такъ быстро она бѣгала по стѣнамъ и все дѣлала „чокъ-чокъ“,—мы ее и прозвали „Чокочка“. Она скоро привыкла къ своему имени, оглядывалась, когда мы ее звали, сгрыгивала со стѣны, садилась на плечо къ Надѣ. Мы очень любили ее.

Каждое утро, какъ только проснемся, мы съ Надей бѣжимъ въ сосѣдную комнату, беремъ Чокъ-чокъ и несемъ ее къ себѣ. Мы запирали дверь, и начиналась у насъ потѣха. Чокочка бѣгала по всей комнатѣ, все обнюхивала прыгнетъ на столъ, потомъ на комодъ, перескочить оттуда ко мнѣ на кровать, бѣгаетъ по мнѣ; такъ смѣшно всегда бывало, какъ она быстро перебираетъ своими лапками, щекочетъ лицо пушистымъ хвостомъ; подбѣжить къ лицу, понюхаетъ носъ, прыгнетъ на голову, усядется на минутку почесать лапкой за ухомъ и вдругъ прыгнетъ на стѣну. Шалунья ужасно любила сидѣть на окнѣ и всегда поровила убѣжать; но этъ ей удалось только одинъ разъ. Окна всегда были заставлены сѣтками отъ комаровъ, которыхъ у насъ было множество, а какъ-то разъ мы не доглядѣли, что сѣтка была немногъ отодвинута, — и Чокъ-чокъ прыгнула за окно. Мы съ Надей выскочили за ней, а бѣлка попрыгала по травкѣ, взобралась на высокую черемуху, оттуда прыгнула на крышу, усѣлась тамъ и начала охорашиваться.

Черезъ нѣсколько времени ее достала съ крыши наша дѣвушка Оеня; Чокочка и не думала сопротивляться, она сама прыгнула къ Оенѣ на руки.

Помню, разъ мы съ Надей пришли утромъ за Чокочкой и не нашли ея. Мы заглядывали подъ диванъ, въ ванну, которая всегда стояла тутъ, такъ какъ Надиной мамѣ каждое утро дѣлали теплую ванну, смотрѣли подъ столомъ, заглянули даже въ печку,—нигдѣ нѣтъ бѣлочки. Мы начали звать ее:— „Чоки, гдѣ же ты? Чокъ-чокъ! Чокочка!“ И вдругъ изъ-за шторы, которая висѣла на окнѣ подборами и никогда не спускалась, вылѣзла наша бѣлочка и сѣла на складкахъ шторы. Она была

такая потѣшная: вся всклокоченная, заспанная, удивленная. Мы съ Надей такъ и расхохотались. Чокъ-чокъ глядѣла на насъ заснанными глазками, потомъ потянулась, умыла лапкой свою сонную мордочку и спрыгнула къ намъ. Съ тѣхъ поръ она стала всегда спать въ шторѣ, сдѣлавъ тамъ себѣ что-то въ родѣ гнѣзда.

Однажды готовили ванну для Надиной мамы; Оеня налила туда горячей воды, насыпала соли и пошла на колодець за холодной водой. Мы съ Надей были тутъ же и любовались на свою любимицу, которая сидѣла на елкѣ, нарочно для нея принесенной. Она премило срывала шишки, обгрызала ихъ, выплевывая чешуйки и [съѣдая сѣмена. Вдругъ ей пришла охота перепрыгнуть на диванъ. Она прыгнула, но какъ-то сорвалась съ вѣтки и упала прямо въ ванну...

Боже мой, какъ она закричала! Мы съ Надей тоже. Одну секунду она побархаталась въ горячей водѣ, выпрыгнула изъ ванной, вся ошпаренная, мокрая. Не успѣли мы схватить ее на руки, какъ она бросилась [на диванъ, обтираясь объ его спинку, потомъ начала метаться по всей комнатѣ, плотно прижимаясь къ стѣнамъ, къ краямъ дивана; она жалобно пищала все время, потомъ взобралась на стѣну, подъ самый потолокъ, усѣлась тамъ и начала облизывать свои лапки. Мы звали ее, манили огурцами, орѣхами, сахаромъ, но она не шла, а все лизала лапки. Наконецъ, спустилась и легла на диванъ. Лапки ея съ нижней стороны, гдѣ онѣ не покрыты шерстью, были ярко-красныя и припухли, Чокочка съ трудомъ ходила, не лазала по стѣнамъ дня два, но потомъ опять повеселѣла, прыгала и рѣзвилась по-прежнему.

Если мы почему-нибудь долго не приходили къ ней въ комнату, она скучала, и какъ только мы появлялись, она стремглавъ спрыгивала со стѣны или съ елки, садилась къ намъ на плечо и затихала. Особенно любила Чокъ-чокъ сидѣть на плечѣ у Надиной мамы,—прижметъ мордочкой къ щекѣ, за-

глядываетъ въ лицо. Если ей давали кусочекъ чернаго хлѣба, она обгрызала весь мякишъ, а корочку засовывала Надиной мамѣ въ волосы на затылокъ. Такъ смѣшно, бывало, перебираетъ она быстро-быстро лапками волосы, засунетъ туда корочку, прикроетъ волосами и опять сядетъ на плечѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Мы всё такъ привязались къ Чокочкѣ, что ужасно жаль было разставаться съ ней. А разставаться надо было уже скоро: осенью всё мы уѣзжали въ городъ; везти же ее съ собой въ городъ и держать всю зиму въ неволѣ было жаль, поэтому мы и придумали едѣлатъ такъ: отнесли Чокочку въ лѣсъ въ большой клѣткѣ, поставили ее подъ елкой, наложили въ клѣтку всякой провизіи и ушли домой, оставивъ нашу любимицу въ лѣсу. Каждый день мы приходили провѣдывать Чокъ-чокъ, приносили ей орѣховъ, огурцовъ, хлѣба, подеолнуховъ. Всегда мы находили клѣтку пустой, всю провизію съѣденной, въ клѣткѣ и около нея валялись только скорлупки отъ орѣховъ, а Чокочку видали иногда на сосѣднихъ деревьяхъ; она спрыгивала на нижнія вѣтки, поглядывала на насъ, но не шла къ намъ на руки, къ нашему великому огорченію.

Разъ мы пришли подъ нашу ель; клѣтка была на мѣстѣ, орѣхи, хлѣбъ—все было цѣло, а Чокочки не было видно. Мы ее звали, она не показывалась. Навѣрное, она поселилась гдѣ-нибудь подальше въ лѣсу съ другими бѣлками.

Вентцель.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ.

(Мордовская сказка).

Разъ лиса съ журавлемъ стали судить да рядить, кто изъ нихъ умнѣй. Лиса говоритъ: „У меня 77 умовъ, а у тебя сколько, журавль?“ — „У меня, — говоритъ журавль — всего одинъ умъ“. — „Мало, мало, журавль, у тебя ума“. — „Будеть съ меня, сколько есть“, — говоритъ журавль.

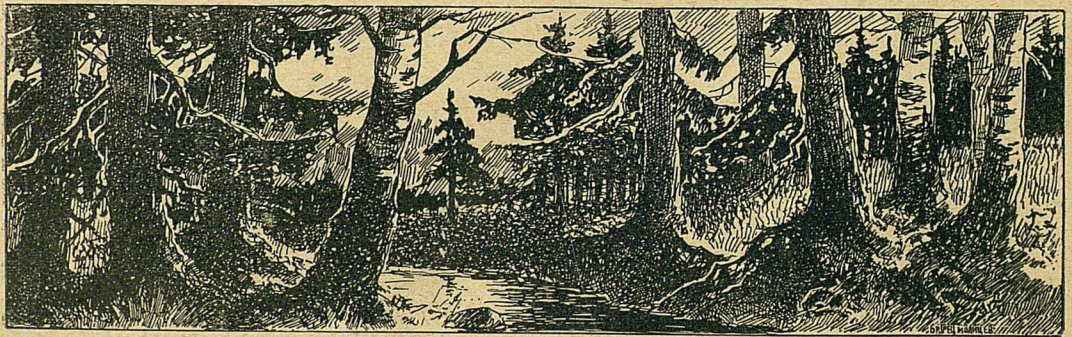
Только, откуда ни возмись — ѣдутъ на нихъ охотники съ собаками. Что имъ дѣлать? Лиса взяла и спряталась въ нору, а журавль отошелъ въ сторону и притворился мертвымъ.

Охотники проѣхали мимо него, да прямо

къ лисьей норѣ и начали разрывать ее. Рыли-рыли, добрались почти до самой лисы. Видитъ журавль, — дѣла лисы плохи. Онъ всталъ съ мѣста, замахалъ крыльями — хлопъ, хлопъ! — и пошелъ потихоньку отъ охотниковъ. Замѣтили охотники журавля, одинъ изъ нихъ и побѣжалъ за нимъ. А журавль — отъ него да все скорѣе и скорѣе. Никакъ не можетъ его догнать охотникъ. Вотъ побѣжалъ и другой охотникъ, и третій, а за ними и собаки, да такъ и не догнали журавля. А тѣмъ временемъ лиса вышла изъ норы и убѣжала.

Не стала съ тѣхъ поръ лиса хвастать своимъ умомъ передъ журавлемъ.

В. Харузина.

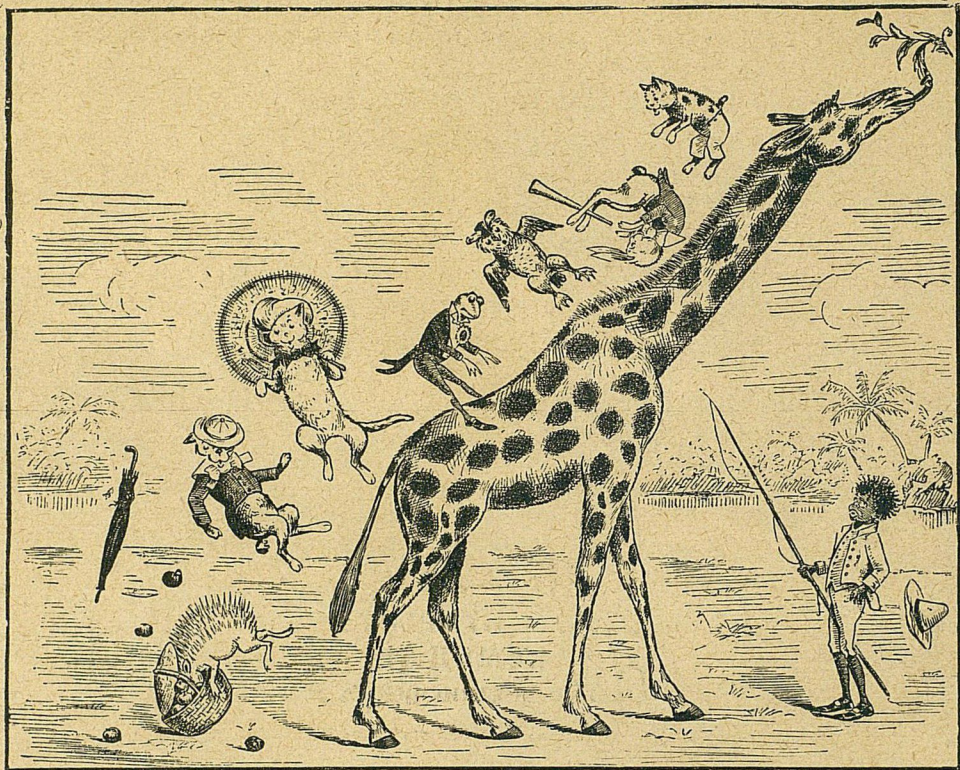

ПРОГУЛКА.

На жирафѣ мы катались,
Всѣ на это дивовались;
А насъ было семь ребятъ:
Зайка, парочка котятъ,
Старый филинъ-забияка,
Ежъ, лягушка да собака...
Мы катались да смѣялись
И бѣды не дожидались,—
А бѣда-то насъ ждала,—
Пальма около росла...
Вотъ жирафъ насъ и обидѣлъ:
Вѣтку сочную увидѣлъ,

Да словечка не сказавъ,
 Подняль голову жирафъ...
 И со спинки съ тяжкимъ вздохомъ
 Мы посыпались горохомъ,
 Ежъ въ корзинку угодиль,—
 Такъ жирафъ насъ угостиль.

А. Доровъ.

Бѣдная птичка!..